Рассказ скачан на сайте http://eromo.org

Название: Кровная вражда. Часть 2

Блять! Кому там неймется шляться по квартире и громко разговаривать в такую рань!? Нехотя открываю глаза и смотрю в окно. Солнце уже встало и жарит: по ходу, часов девять утра. Но ведь сегодня воскресенье, дайте поспать, мать вашу! Опять зарываюсь лицом в подушку.

Стоп! А правда, кто там шумит? Это моя квартира или как!? А, родственнички. Тут в голове всплыла картинка прошлой ночи, и меня как пружиной вышвырнуло из кровати. Анька!... А может это был сон?... Я проснулся один. В комнате никого, кроме меня...

Меня отвлек шум из остальной квартиры. Надо пойти посмотреть. Натягиваю свои любимые домашние зеленые шаровары с лампасами и иду на разведку.

Ага, Пашкин папа, дядя Сережа, бреется в ванной. Вот кто ходил по коридору. А в зале громко работает телевизор — у Пашкиной бабульки день в самом разгаре. Никогда не понимал, как это старики так рано встают. А многие еще и поздно ложатся. Мне, чтоб выспаться, требуется минимум десять часов, что в будние дни совершенно не реально. Да и в выходные удается редко.

Прохожу на кухню. Там за столом сидит Пашкина мама, тетя Света, и о чем-то мило разговаривает с моей сестрой (!), стоящей в фартуке у плиты (!!) и жарящей картошку на сковороде!!!

Што!?... В смысле: что!? Анька может с кем то мило болтать? Она готовит!?

- О, Антоша! Доброе утро! заметила меня тетя Света. Слава Богам, меня заметили, иначе я бы наверное так и стоял в ступоре.
- Доброе...
- А Анечка тут нам завтрак готовит, спасибо ей большое. Искренне улыбнулась Пашкина мама. Скоро кушать будем, садись.

Только я на вашем месте, дражайшая сватья, сначала противоядие употребил бы, мало ли что...

- А что это у тебя на шее такое?
- М?... Дотрагиваюсь до того места на шее, куда указывает тетя Света.
- Синяк вроде. И на плече... Ого! И вся спина исцарапана! добавила она, когда я повернулся к зеркалу в прихожей. На мне ведь были одни шаровары на голое тело. Все видно. Надо было еще хоть футболку натянуть.

Нихера себе засосы! Даже следы от зубов видны. Значит, не сон. И как отмазываться?

- A-a... 9... от охренения голова совсем пустая, ничего придумать не могу.
- А это он приводил одну, на ночь, позавчера. Стоны на всю квартиру слышно было. Вот она его и разукрасила. Подала голос Анька из-за плиты. Даже по ее затылку было видно, с каким ехидством она выдала эту фразу. Впрочем, уши у нее были пунцовыми.
- Так ведь вчера еще ничего не было? удивилась тетя Света, краснея.
- Было, говорю и чувствую, что тоже краснею (какого хрена вообще!?), просто под одеждой не видно, а на шее у меня пластырь был, знаете, телесного цвета, поэтому и не заметно. По взгляду видно, что не поверила, но промолчала. И на том спасибо.

Ну, сестренка, и что это значит? Сверлю взглядом ее спину, но ей все похуй. На шее, кстати, как раз красуется большущий пластырь телесного-таки цвета. Да, дураки мыслят одинаково.

Пойду, одену футболку.

О, Боги, я трахнул родную сестру! Я все сделал, чтобы она не ложилась под первого встречного, а потом сам же ее и трахнул. Ну я и мудак.

Хотя, пожалуй «трахнул» не подходит. Это было... хм-м... черт, у меня что еще и встает, при мысли об этом!?... в общем, это было охуенно, если честно. Теперь придется одеть какие-нть трусы, чтобы скрыть стояк. Какие-нть потеснее.

В дверь спальни постучали:

- Антон, пойдем завтракать, Пашкин папа.
- Хорошо, сейчас иду!

Что теперь с этим всем делать-то?... Ладно, потом разберемся. Только надо налепить и себе тоже пластырь, чтоб не палиться.

На удивление за завтраком никто не отравился, и противоядие не понадобилось. Мне странно это говорить, но было даже вкусно. Когда это Анька научилась готовить? И все это время, готовил я!? Ну, поганка!

Вообще, завтрак прошел приятно. Пашкины родители весело разговаривали, задавали много вопросов про Ольгу, про семью. Я старался не смотреть на сестру, и она тоже вела себя как обычно.

После завтрака, по плану, нужно было отвезти сватьев к дяде Саше. Если вчера была вечеринка по случаю знакомства, то сегодня, как я понял, они обсудят какие то вопросы с Ольгиными родителями, ну и напоследок, куда уж без прощальной пьянки. Вечером мне же везти их на вокзал. И все это время я опять должен быть трезвым.

Как и вчера, Анька сидела в машине справа на пассажирском сиденье. И, как на зло, одела свои любимые короткие джинсовые шортики. Ну в общем, понятно, жара ведь.

Оказывается, у моей сестры длинные ноги! И стройные. И какие-то... Не знаю... На мгновение вспомнилось, как вчера ночью эти ноги были сомкнуты на моей заднице... Не надо об этом думать! Я помотал головой и стал внимательней следить за дорогой.

Сегодняшнее застолье было более спокойным, размеренным, не то, что накануне. Сватьи опять душевно посидели с Ольгиной семьей и с Пашкой. Правда, уже чувствовалось, что подустали после вчерашнего, да к тому же лучше им сильно не налегать — ведь впереди еще поезд. Анька на пару с Ольгой пили вино и о чем то болтали. Никаких признаков вчерашней ночи, кроме наших пластырей, заметно не было. Разве что только в конце, когда сажали Пашкину родню в машину, Оля шепотом спросила у меня:

- А чего это вы с Анькой все в царапинах и заплатках?
- Да подрались опять, неловко улыбнулся я, ты же ее знаешь, чуть что сразу бросается с кулаками.

Я что, опять краснею!? Что сегодня за день такой!!?

— Хм, ну ты-то всегда отвечал ей взаимностью, — усмехнулась кузина.

Двусмысленно. Неужели Анька ей что то рассказала? Внимательно смотрю Ольге в глаза, но ничего не могу там разглядеть.

Что? — не выдерживает она.

Нет, ничего она не знает. Просто совпадение. Обыкновенная паранойя. Хотя, если у вас паранойя, это еще не значит, что за вами не следят...

— Короче, скажи моей сестре, что я отвезу Пашкиных родителей на вокзал, а потом сразу поеду домой. Пусть она сама добирается.

И мы уехали.

Я приехал домой вечером и первым делом залез на кухне в буфет. Там у меня стоит бутылка не плохого коньяка. Очень уж хотелось выпить — тяжело, когда два дня подряд у тебя на глазах все бухают в свое удовольствие, а ты — водитель.

Коньяк был не из дорогих — когда видишь такой коньяк в магазине, всегда думаешь, что он левый. Ну а как же иначе? Не дорогой? Да. Название какое то стремное: «Николай». Ну явно паленый. А пробуешь — хм, совсем не плохо. Даже близко не напоминает то «самолетное топливо», которое мы с пацанами тайком пили летом в лагере в девятом классе. У этого легкий виноградный аромат, на языке чувствуется сладковатая терпкость, а после глотка внутри разливается приятное тепло.

Мысли мои сами собой вернулись к прошлой ночи. За целый день воспоминания притупились, и теперь уже трудно поверить, что это действительно было, а не просто приснилось. Хотя жесткая эрекция, которая все еще возникает при мыслях об Аньке, не позволяет в этом сомневаться.

... Но все-таки я редкостный мудак. Получается, что я вытаскивал сестру из-под других парней только для того, чтоб самому с ней переспать? Бред какой! Я даже не думал раньше ни о чем подобном. Вообще не понимаю, как это произошло!

Хорошо, вчера было охуенно, признаю. Но, охуенный секс у меня бывал с другими и раньше, и еще будет))) А вот если родители узнают, пиздец наступит нам обоим. Отец нас кастрирует и четвертует. Так что разумно будет сделать вид, что ничего не было, и благополучно обо всем забыть. И не допускать подобного впредь!... Тем более, что через пару дней засосы сойдут, и никаких доказательств не останется.

И больше никаких стояков при виде сестры!

Где то примерно на этом месте рассуждений меня сморило, и довольный своими выводами, я провалился в сон.

В понедельник коллеги на работе полдня прикалывались надо мной изза того, что я пришел с засосами. Я, конечно, налепил пластырь, но буквально всем и каждому было понятно,что на шее молодого парня пластырь может закрывать только засос, а не, скажем, гангрену или язвенный лишай. И всем, мать их, хотелось знать имя той зашибенной телки, что так меня разукрасила. Сестра это моя! Сестра! Даже не знаю, что больше меня бесит: то, что я не могу никому рассказать, как сладко провел ту ночь, или то, что эти придурки (пусть и теоретически) могут рассматривать Аньку как сексуальный объект.

По любому никто из остряков не догадывается, что попадись он ей, она бы мигом открутила счастливчику яйца и повесила бы их мне в машину вместо освежителя воздуха, просто чтобы порадовать братца.

Дома все было на удивление спокойно. Мы даже говорили друг другу «привет». Только теперь мне на Аньку смотреть стало стремно. Нет, ну серьезно, как можно ходить по квартире в маечке-алкоголичке без лифчика? Это при живом брате. И сиськи так призывно покачиваются... Давно надо было ей сказать, чтоб одевалась дома нормально, а то как лето началось, так стала щеголять. Правда, раньше мне как то похуй было.

А может у меня просто обычный недотрах? Постоянное возбуждение — хоть запирайся в ванной и вручную снимай напряжение, прям как в двенадцать лет. Скорей бы пятница, уж я оттянусь!

О произошедшем говорить с сестрой я не стал. Язык не поворачивался хоть что то сказать об этом. Да и смысл? Все равно сделать вид, что ничего не было — лучший вариант. А по тому, как Анька избегала попадаться мне на глаза, я понял, что она пришла к такому же выводу. Так что говорить точно не о чем. Не было ничего, хоть я и мудак.

Во вторник на улице стояла страшная жара. И, как назло, в офисе сломался кондер. К обеду я со стыдом заметил, что на рубашке проступили потные пятна, но и у всех сослуживцев видок был не лучше. Жалкое зрелище. Поэтому я никак не мог дождаться конца дня, чтобы хотя бы просто добраться до машины, где был климат-контроль. Но, конечно, в идеале было бы сразу отправиться под прохладный душ. Положение скрасило лишь то, что пробок не было, и мне удалось с космической скоростью домчаться до дома.

Мечты о душе вышибло из головы сразу же, как я открыл дверь квартиры. Первое, что услышал, были звуки «Hate This & Mare II» (18#039; 18 Love You». Анька вообще любит Muse и периодически включает их на полную громкость. Особенно, когда меня нет дома, так что в этом нет ничего критичного.

Но вот в моменты, когда музыка играла тише, становились слышны стоны...

Женские, мать их, стоны!..

Анька, вот ведь блядь, опять кого то притащила! Секс ведь только в субботу был, сколько ей нужно ебарей!? Зашибись. Вечер уже точно не будет томным, а рубашка эта мне все равно никогда не нравилась.

Со всей дури распахиваю дверь и врываюсь в комнату сестры. И охуеваю.

А ведь не пришло мне в голову, что мужских стонов слышно не было. Только женские. На кровати голая и распластанная лежит на спине очень даже вдувабельная девка с задранными ногами. Своей круглой попкой она торчит немного кверху, так что мне все видно. А сверху над ней, тоже абсолютно голая в полуприсяде склонилась, глядя ей в глаза, Анька и изо всех сил ебет бедняжку синим резиновым дилдаком. Сестра ко мне спиной, и мне в подробностях видна ее аккуратная поджарая задница, и еще видно, что дилдак двусторонний — сестра насаживается на него сама и тем самым еще и вгоняет его в свою любовницу. От возбуждения мышцы на Анькиной спине напряжены, острые лопатки торчат вверх, а по позвоночнику стекают капельки пота. Длинные черные волосы разметались по узким плечам. Она двигается в такт музыке и чувствуется, что «точка кипения» уже близко. Комната заполнена завываниями Мэттью Беллами, стонами, поскрипыванием матраса, запахом пота и ароматом женских выделений. На обозрение всего этого «действа» у меня ушло не более секунды.

И тут я понимаю, что у меня опять жуткий стояк, что еще чуть-чуть и штаны лопнут...

— Блять, Антон, иди на хер! — обернувшись через плечо, с досадой кричит мне сестра. И тут мое тело само вышвыривает меня из комнаты. Я так же, со всей дури, захлопываю дверь и скрываюсь у себя в спальне.

Ахуеть, никогда раньше не замечал Аньку с другой девкой!... Как же у меня на них стоит!... Какой томный секс, аж внизу живота заныло!... А ведь я знаю эту. Это Наташка, Анькина однокурсница. Ей можно было бы вдуть... А вообще то, какого хуя, я свалил? Надо было вытащить из-под сестры эту шлюху и вышвырнуть ее вон — а Анька совсем охуела, мало того, что дает всяким мудакам (я не о себе сейчас), так еще и с блядями связалась!..

В голове полный кавардак. Нет, я не против женской однополой любви. Даже наоборот, я всецело «за»! Вообще, в женском теле есть что то прекрасное само по себе. На него можно

вечно просто смотреть. А тем более, когда их два)) Ну и конечно, как всякий мужик, я в глубине души надеюсь, однажды застав двух девушек за этим делом, быть приглашенным в их компанию)))) Хотя, понятно, что если уж девки взялись друг за друга всерьез, а не просто из любопытства, то никакой мужик им не нужен. Но надежда, ведь, последней умирает)) Но к Аньке это не относится! Пусть сначала за пиздой последит и научится не давать каждому встречному-поперечному. А уж потом, если душа у нее попросит, можно и с девушкой... Перед глазами встала картинка двух переплетшихся потных девичьих тел, их стоны и запахи. Абсолютный пиздец.

Пока я на автомате переодевался, в коридоре послышались звуки — очевидно, Наташка сваливала. Ну и правильно, ибо нехуя. Через какое то время в комнату ворвалась уже одетая сестра:

- Какого хуя сейчас было!? Ты, блять, кем себя возомнил, чтобы врываться ко мне в комнату по поводу и без повода?
- Я тебе уже сказал перестать блядствовать! Сколько еще повторять? Я уже снял штаны и остался в одних трусах, которые никак не могли скрыть мой торчащий восемнадцатисантиметровый член.
- Ты меня уже заебал! Ты мне не отец! Перестань меня пасти, придурок! прошипела она. Ее бесцеремонность стала меня бесить:
- Тебе мало того, что было в субботу, так ты опять кого-то в дом притащила!?
- А ты что, решил, что если выебал сестру, значит теперь я твоя вещь!? Хренов насильник! Я, конечно, мудак, но не насильник! Спокойно, нужно себя сдерживать, ты же не хочешь сесть в тюрьму за удушение сестры?..

Анька замечает мой стояк, ее глаза в ужасе округляются и она, отступает к двери в свою комнату. В итоге сестра закрылась у себя. Я попытался вломиться, но дверь не поддалась.

— Еще раз, я увижу тебя ебущейся с кем то, пеняй на себя, слышишь!? — проорал я через дверь. Ответа не было.

Меня трясло от злости и возбуждения, в голове была звенящая пустота. Нарезав пару кругов по своей комнате и немного успокоившись, я понял, что самым разумным на сегодня будет попытаться забить на все и ни о чем не думать.

Да, я же собирался в душ, после жутко потного дня. И после увиденного, охладиться тем более не помешает.

Вы когда-нибудь просыпались прикованным наручниками к кровати? Нет? А мне вот довелось попробовать. Сомнительное удовольствие.

В среду утром, проснувшись, обнаружил, что моя левая рука свешена с кровати и прицеплена наручником к ножке. Анька, сука! Это что, месть за вчерашнее, получается? Как она вообще додумалась до этого?

У моей кровати спинка деревянная и сплошная, и к ней, при всем желании, наручником никого не прикуешь. Зато ножки у кровати отдельные — простые деревянные столбики, правда, с утолщением на конце, типа копытца. По-ходу, пока я спал, эта сучка пробралась ко мне и прицепила мою свешенную руку к ближайшей ножке. Хорошо хоть вторая рука свободная — кровать широкая — с другой стороны руку уже не свесишь. А кроме того, там стенка.

Итак, моя родная сестра приковала меня наручником к кровати, пока я спал, зная, что мне на

работу. А ведь она не могла не понимать, что это война. А раз так, то я эту войну выиграю! Только сначала надо освободиться.

Встать с кровати я могу, правда приходится согнуться в три погибели, ведь кисть руки остается возле ножки. Просто так наручник не снять изза утолщения. Иначе можно было бы легко приподнять этот угол кровати и дело с концом. Придется пойти более разрушительным способом. (Потом, сестренка, тебе это аукнется.) Наденем ка тапки — где то они тут у меня были, кажется под креслом. Обычно я их не ношу, но вот удачно пригодились. Если б были у меня под рукой инструменты, хотя бы просто крестовая отвертка, я бы как-нть открутил крепежные болты, которые держат эту несчастную ножку, но до кладовки, где у нас ящик с инструментами, далеко. Придется применять грубую силу. Я размахнулся и, прицелившись, со всей дури ударил ногой в тапке по ножке кровати. Пришлось совсем лечь боком на ковер. Кажется, получится. Еще удар, еще! На четвертый раз ножка кровати с деревянным хрустом подломилась. Правда, в пятке тоже, кажется, что то хрустнуло. Я окончательно доломал ножку (Угол кровати просел до пола. Ну, Анька!) и снял, наконец, браслет.

Теперь, сестренка, держись! Вскакиваю с пола, правда, боль в пятке сообщила, что придется немного похромать, и отправляюсь к Аньке в комнату. А там никого нет. И в остальной квартире тоже. Значит, знала, сучка, что лучше ей переждать мое пробуждение где то еще. Ну хорошо, с ней разберусь позже. Ключ! Ну, раз у нас теперь война, щадить не будем.

Переворачиваю всю Анькину комнату сверху донизу, и, наконец, в левой туфле из пары, что стояли на верхней полке ее платяного шкафа, нахожу маленький ключик. Пробую — подошел!

Отлично! На этом, утреннее приключение заканчиваем, нужно спешить на работу. Теперь придется, видимо, у кровати и остальные ножки откручивать, как спать то на ней теперь? Хер с ним.

МЕСТЬ! Я отомщу, сестренка. Я изощренно тебе отомщу. Я уже знаю как. Только дождись)))) ***

Разумеется, вечером, когда Анька увидела следы «обыска» в ее комнате, она осатанела. И не ебет, что если бы не ее идиотская выходка, то и никакого обыска в комнате не было бы. Больно надо мне просто так копаться в ящике с ее нижним бельем.

Мы в очередной раз подрались, и эта сучка все-таки умудрилась врезать мне коленом по яйцам. Боль была такая, что я подумал, что наверное, все, больше мне не трахаться в этой жизни. Впрочем, это было потом. Сначала, я опять отобрал у нее ключи от дома. Пускай до пятницы посидит взаперти в воспитательных целях. Это, конечно же, нихрена ее не воспитает (горбатого, как говорится...), но должен же я показать, кто здесь главный.

Чего только не было за эти два дня. Драки, крики. Меня обзывали насильником, извращенцем, кобелем. Эта сучка умудрилась запереть меня в ванной, пока я мылся, изза чего пришлось выломать дверь. Она удержалась на петлях, но замок сломался. Мне-то похуй, я могу мыться и с незапертой дверью, а вот как Анька?)))

Драться с сестрой, когда у тебя на нее стоит, оказалось труднее, чем я думал. И гораздо труднее драться с ней, стараясь не касаться ее сисек. Мне точно нужна баба. И тогда моя ненормальная реакция на Аньку исчезнет.

И вот, наконец, вечер пятницы. Время мести)) О, я не забыл, что застал во вторник мою ненасытную сестренку трахающейся с ее подругой. И не забыл, что на следующий день, она приковала меня наручниками к кровати, и чтобы освободиться, мне пришлось отломать

ножку у кровати. О нет, я совсем не забыл.

Сегодня я отправился в «Метаморфозу» специально на такси, ибо понимал, что, независимо от исхода, приду домой навеселе. Уже вечером, перед выходом, приоткрыл дверь в Анькину комнату и бросил ее связку ключей от квартиры на покрывало кровати. В конце концов, оставлять сестру на этот вечер дома было бы чистым садизмом с моей стороны. (О да, я такой благородный, ага, ага.)

«Метаморфоза» — самый крутой и дорогой клуб города. Название у него, конечно, наркоманское, не спорю. И не безосновательно. Но о причинах, я говорить не стану, ибо чту законы РФ)) Скажу только, что там собираются все, кто хоть что то из себя представляет, в нашем городе. И еще больше тех, кто вообще ничего не представляет. А клуб — то место, где все эти люди могут совершенно безнаказанно предаваться своим страстям. Причем, чем более низменными и грязными оказываются эти страсти — тем лучше.

И конечно, это мой любимый клуб))) Мой папа далеко не самый богатый и влиятельный в городе, но сразу же, как мне стукнуло восемнадцать, я стал при первой возможности приходить сюда и просаживать все карманные деньги. А потом не раз просаживал всю зарплату и канючил у отца в долг. Так что можно сказать, что я завсегдатай этого клуба, и меня все знают.

Вообще, отец по образованию физик-радиотехник. После того, как совок развалился, он так и остался в своем институте и поэтому, они с матерью в начале девяностых влачили довольно жалкое существование. Потом, когда я родился, отец решил, что нужно что-то менять, и организовал с другом ларек на рынке по продаже румынской женской обуви. Потом родилась Анька. Дела стали идти получше, но в 98м году случился кризис и это сильно отбросило нас назад. Ни я, ни сестра этого конечно не помним — слишком маленькие были — все это по рассказам матери. Так вот, отец вернулся в институт, и мы опять еле-еле сводили концы с концами, пока в двухтысячном, всей лабораторией в институте они не организовали фирму. Так мой папа попал в ІТ-индустрию. Они уже тогда, практически на коленке, делали какой то уникальный софт, что некая франкфуртская фирма отвалила за это миллион (а в 2001 году миллион — были очень хорошие деньги). Так и пошло. Сейчас мы производим софт на весь мир, и когда два года назад доллар вырос вдвое, то и наша выручка выросла вдвое, что стало совсем хорошо.

«Метаморфоза» встретила меня знакомой ультрафиолетовой полутьмой и грохотом музыки. Столпотворение народа на танцполе, компашки за столиками с кальянами и алкоголем, в дальнем конце сцена с танцовщицами — девчонки все знакомые, многих из них я покупал в вип-комнате, кое-кого даже трахал потом за бесплатно, просто по кайфу)) Хорошее место, я здесь почти как дома.

Анька тоже сюда ходит, но я надеюсь, у нее хватит ума сегодня не приходить. Впрочем, этим вечером я пришел с конкретной целью, и сейчас выглядывал эту цель среди танцующих тел, плавно пробираясь по танцполу и сам двигаясь в такт. Пробежался глазами еще раз по сидящим за столиками — тоже вроде нету. Где-то тут, кстати, и Оксанка обитает, не наткнуться бы.

Свою цель я увидел у барной стойки. Короткое голубое платье, подчеркивающее круглую попу, открытые нежные плечи, копна русых, вьющихся волос — Наташка. Та самая однокурсница Аньки, с которой я застал ее во вторник. Выманить сюда стоило определенных трудов, пришлось полазить вконтакте по страницам общих знакомых, чтобы, наконец, по

имени и фотографии определить — нашел! Долго уламывать не пришлось, видимо, наслышана обо мне, да и в клубе бывает часто. И вот она здесь. И я здесь. Что-то будет)) Подхожу со спины и негромким баритоном говорю на ушко:

- Привет!
- Ой! Приве-е-ет! Оборачивается, удивленно улыбается, обнимает и целует в щечку.
- Что пить будете? Тео (он же Теодор, в простонародье Федя) абсолютно голубой, но зато в доску свой бармен, работает здесь уже сто лет.

Я заказал. Наташка делано толкнула меня в плечо маленьким кулачком:

— Зачем так много? Ты решил меня напоить? — хитро улыбается. Мы люди взрослые, оба понимаем, зачем я тебя пригласил))

Выпили, стало хорошо, пошли танцевать. У Наташки глазки блестят, сиськами об меня трется. Чувствую, вечер удастся)

Танцевать я люблю. Не то чтобы я прям охрененный танцор, просто мне нравится то состояние, когда ты как будто сливаешься с музыкой, двигаясь в такт. Тело двигается само, мозг отключается. Это как секс. А когда в танце об тебя трется аппетитная киса, так это вдвойне приятно)

Потом накатили еще. Тео неодобрительно покачал головой, когда я заказывал. Ну конечно, ведь я, такой плохой, специально спаиваю наивную дурочку, чтобы этим воспользоваться. Видел бы ты, Федя, как подмахивала своей попкой эта «наивная дурочка», когда моя сестра трахала ее резиновым дилдаком пару дней назад... И вот уже опять в штанах тесно. Вечер становился все более и более приятным. Во время танца я, уже совершенно не стесняясь, целовал Наташку, проталкивая язык глубоко в ее горло, руками при этом, «жамкая» ее попку через платье прямо у всех на виду.

Через какое то время, подустав, переместились на верхнюю галерею. В клубе есть несколько верхних галерей. На одной из них, например, устроен еще один мини-танцпол. Он не очень широкий, но там можно танцевать и одновременно выставлять себя напоказ всем желающим, чем пользовалось множество девок самого разного калибра и достоинства. На нашей же галерее было что-то типа вип-зоны, заставленной кабинками с диванами и столиками так, что нельзя было видеть, что творится в соседней кабинке, но было видно все, что творится внизу на танцполе.

Сели на диванчик, пригубили еще каких-то коктейлей и, конечно, кальян! В голове сразу поднялся легкий туман и меня, наконец, расслабило. У Наташки глазки совсем потемнели, на щечках выступил румянец, а по губам гуляет хитрая улыбка. Как говаривал мой дед, земля ему пухом, дают — бери)) Притягиваю зайку к себе и крепко целую, а сам в этот момент кладу ее ладошку на бугор у себя в штанах (эрекция все никак меня не отпускала). Хищно охватывает его пальцами через ткань, а еще через секунду уже достает своими тонкими пальчиками с длинными ногтями мой дымящийся ствол. Даже не ожидал такой прыти) Еле обхватила член ладошкой, невольно царапая своим маникюром, и пару раз провела кулачком по всей длине. Всегда перся от занятий развратом у всех на виду))) Отрываюсь от ее губ и легонько произношу на ушко:

— Попробуй, какой он на вкус.

Зайка мило улыбается и в следующую секунду обхватывает губками пунцовую головку. О-о-о да! Весь вечер мечтал об этом!

Наташка всасывает в себя большую часть ствола, так что перед закрытыми глазами у меня

ползут цветные круги от удовольствия. И я, кажется, уже ничего не соображаю, просто откидываюсь на спинку дивана и кладу ладонь на ее тонкую шейку. Пока не давлю, а просто глажу. Она интенсивно сосет, отстраняется, проводит губами по всей длине, заглатывает головку и засасывает изо всех сил. Ууух! Потом отрывается и проходит сверху вниз, возвращается и начинает танцевать языком по уздечке, облизывая вершину как мороженое, а иногда ввинчиваясь кончиком в отверстие. Потом, видимо, устала и стала просто медленными тягучими движениями лизать так, что я понял, что от кайфа не могу разжать пальцы ног в ботинках.

Привели себя в порядок. Отдышались. Наташка очухалась и на предложение продолжить у меня ответила согласием.

В такси, мой стояк вернулся, но это уже не вызывало неудобств, благодаря предвкушению того, что грядет. Мы не отрывались друг от друга. Теперь уже Наташкин язык пытался пролезть как можно глубже в мою глотку. Руки непрерывно мяли ее попку через платье, и только недовольный взгляд водителя в зеркало заднего вида предостерегал меня от того, чтобы залезть уже под само платье. Не надо завидовать, дядя)))

Родная квартира встретила темнотой, тишиной и отсутствием признаков жизни. По любому, Анька смылась сразу же, как увидела ключи на своей кровати. На что и был расчет) Ведь очевидно, что после двух дней заточения она смотается из дома и придет под утро, если вообще придет.

Как только закрывается входная дверь, Наташка присасывается ко мне, так что приходится продвигать нас по квартире на ощупь. Свет я включать не стал.

Чуть подтолкнув зайку, открыл ее попой дверь в Анькину комнату, и аккуратно придерживая за талию, положил на кровать. Да, да именно в Анькину комнату и на Анькину кровать. Ну не на своей же трехногой мне ее трахать, в конце концов?)))

Избавляю нас от одежды и накрываю обоих одеялом. О, Боги, а мне и в голову не приходило, что здесь будет такой сильный Анькин запах. Я не знаю, как его описать: это не то чтобы запах тела, но и не косметический аромат духов или дезодоранта, может быть запах шампуня или мыла, которым пользуется сестра. Но он железно ассоциируется у меня именно с ней, ни у одной другой девушки я не чувствовал ничего подобного.

Наташка опять целует меня, исследуя все закоулки рта, а руками нашупывая мой железный кол. Сжимаю руками ее попку (она порывисто дергает ногами, видимо полагая, что я прямо сейчас буду в нее входить), прохожусь руками по талии, поднимаюсь к груди. Да, все-таки с грудью ей не повезло, задница большая и круглая (даже немного слишком, на мой вкус), а вот грудь — два скромных холмика с сосками размером с вишню.

Будем работать с тем, что есть. Синхронно их сжимаю, чуть оттягиваю и получаю довольный стон прямо в губы. Тру правый сосок подушечкой большого пальца медленно и настойчиво, а левый чуть сильно прищемляю — получаю новую порцию стонов.

Вдруг она отрывается от меня, выскальзывает и заныривает вглубь под одеяло, одной ладошкой надавливает мне на пресс, и я переворачиваюсь на спину, а горячие влажные губы

уже смыкаются на члене и медленно спускаются вниз, усиливая вакуум. Я лежу на пышных Анькиных подушках, в ее комнате, одеяло на уровне моего таза ритмично приподнимается, доставляя удовольствие, и в пьяном мозгу, переполненном Анькиным запахом, невольно зажигается ощущение, что в постели со мной сейчас совсем не Наташка.блять, хера здесь происходит!? — В комнате зажегся свет и, и стало видно, что в дверях стоит Анька. Йу-ху-у-у! Даже не надеялся, что она сама все увидит! Ну что, сестренка, как тебе моя месть? Самодовольно смотрю на нее. Наташка вскакивает с кровати и судорожно ищет свою одежду. Анька, вне себя от ярости, подлетает к Наташке, уже схватившей свое платье, наматывает на кулак ее волосы и выволакивает подругу из комнаты по направлению к входной двери. Все это сопровождается душераздирающими криками, половина из которых вообще не членораздельна, а оставшаяся половина непечатна. Я поднялся с кровати в тот момент, как Анька снова ворвалась в комнату.

- Ты, какого хуя, опять привел в дом очередную шлюху!?
- Вообще то, это твоя подруга. Говорю я украдкой, с улыбкой. Меня не покидает чувство удовлетворения. Месть удалась. Даже больше, чем я рассчитывал. Анька выходит из себя и пытается меня ударить, блокирую удар. Ее хук слева но я опять блокирую.
- Какого хуя, ты ебешь кого то в моей постели!? пытается пустить в ход ноги.
- О, просто у моей кровати отломана ножка, по милости моей ненормальной сестры.
- Теперь, мать твою, вся моя кровать провоняет... ТОБОЙ! скорость ударов увеличивается.
- Именно! Я ее пометил! Теперь это моя кровать, тебе не где больше блядствовать! Я тебе запрещаю!
- Что за бред ты несешь!? сестра аж подпрыгивает от гнева.
- Тебя в субботу ебал тот манерный пидарок, а потом ты еще и под меня легла, язык еле повернулся это сказать, так тебе все мало, ты еще и с девкой решила? От одного лишь воспоминания о том, что случилось в свадебном салоне или о сексе Аньки с этой шлюхой, меня сотрясала ярость.
- И ты изза этого, решил трахнуть девушку с которой переспала я, в моей же постели? Сестра остановилась, потрясенно глядя мне в глаза. Да ты больной! Ты ебанулся на всю голову! С каждой фразой она пыталась меня ударить, но уже не кулачками, а просто ладошками.

Я поймал оба ее запястья, чтобы лишить возможности и дальше меня бить, но Анька оттолкнулась, развернулась и направилась к выходу.

- Я больше не могу находиться с тобой в одной квартире. С этими словами она вышла, не закрыв дверь.
- Ну и вали куда хочешь, мне все равно! Наконец то заживу спокойно без тебя! Стою голый на лестничной площадке. Тот еще бред.

Похуй! На все похуй. Месть реально сладка, и я испытал чистое, ничем не замутненное злорадство в первые секунды, когда Анька увидела всю картину. Ее постель теперь реально будет пахнуть мной, думаю, я постарался, как следует.

Но сейчас, после этих разборок, мне больше всего хотелось спать. Поэтому, я просто завалился без всяких мыслей и упреков совести.

Утро было офигенное. Я в кои-то веки выспался. Правда, немного подпортило сон то, что кровать при каждом моем повороте с боку на бок угрожающе покачивалась. Я не стал

откручивать у нее оставшиеся ножки, рассудив, что заебусь ворочать этот траходром. Вместо этого решил подставить под угол что-нть на замену, пока не решу, как исправить поломку. Кандидат в подставки нашелся быстро — в самом дальнем углу нашей кладовки отыскался тяжеленный ящик с гвоздями, как раз подошедший по габаритам. Не помню, чтоб покупал столько гвоздей, да и в такой нелепой упаковке. Скорее всего, он остался еще от прежних хозяев. В общем, теперь у меня вместо одной ножки стоит крепенький деревянный ящик, так что при покачивании кровати теперь иногда раздается звон перекатывающихся гвоздей. Спать можно, но боюсь, что если приведу кого-нть, то мы можем очень весело рухнуть в самый неподходящий момент.

Проснулся относительно рано — часы в телефоне показывали без десяти десять. Странно, что я выспался, учитывая, что лег вчера посреди ночи, но видимо долгожданная разрядка сделала свое дело.

Пожалуй, сегодня останусь дома. Последние пару недель субботы выдавались безобразными, так что сегодня будем стараться сломать тренд.

Кстати, о раздражителях — проверил всю квартиру — никого. Анька, по ходу, так и не заявилась. Ну и хуй с ней. Баба с возу... ну и все в таком духе. С аппетитом позавтракал, принял душ, помаялся херней.

И тут зазвонил телефон.

Мамка.

— Антоша, здравствуй, сыночек! — Мамкин тоненький голос. — К нам сегодня ночью на такси приехала Анюта.

Ээээээ...

- Что у вас там случилось, сыночек?
- Мам, да как-бы...
- Анюта сказала, что ты ее из дома выгнал и сказал больше не приходить.

Ебаный в рот!

- Нет, мам, я не говорил ей...
- В общем, Антоша, папа очень не доволен. Он хочет с тобой поговорить. С вами обоими, точнее.

Блять! Блять! Блять!

- Ты же сегодня свободен? Продолжала мамка. Вот и приезжай к нам домой. Мы будем ждать.
- Хорошо. Я приеду часа через два. Суббота накрылась.

Проклятье. Анька вмешала родителей и выставила все так, будто виноват во всем я. Ну, если я выживу!... Характер у отца крутой. Нужно придумать, что сказать, иначе последствия могут быть непредсказуемыми.

Сборы, машина, дорога. Коттедж, в котором жили родители, находился в закрытом дачном поселке, километрах в пятидесяти от города. Небольшой участок в десять соток, на котором мамка летом сажала огурцы-помидоры, отдельно банька, гараж и сам двухэтажный кирпичный дом, в котором, помимо прочего, были предусмотрены наши с Анькой отдельные спальни (они же гостевые комнаты) как раз на случай, когда мы приезжали погостить.

Я приехал около пяти вечера. На улице стояла страшная жара, настоящее пекло. Но по телу пробегал неприятный холодок от предвкушения разговора с отцом. Наш папа человек суровый, но справедливый. Звучит банально, но это правда. Если все ему объяснить, что

Анька блядствует направо и налево, то последствий можно будет избежать.

Я представил мамку. Нет, наверное, про блядство лучше не упоминать.

Встретили меня тепло. Мамка обняла, отец пожал руку, и на душе как то поуспокоилось.

- Антон. К нам вчера приехала Анюта. Отец начал разговор спокойно, тон его был скорее озабоченным, чем строгим. Сразу хочу сказать, что что бы там у вас ни произошло, то, что твоя сестра поздно ночью не дома, меня совсем не устраивает.
- Пап, я...
- Не перебивай. Я понимаю, твоя сестра совсем не подарок. Но у нас с тобой был уговор: я добавляю денег на квартиру, взамен ты содержишь Анюту и контролируешь ее образ жизни, включая то, во сколько она приходит домой. Если ты этого не делаешь: не следишь за сестрой или вообще выгоняешь ее, значит наш уговор придется расторгнуть. Тогда либо выкупай мою долю в квартире, либо мне придется ее продать третьему лицу.

Делить квартиру с чужими людьми! Жить в коммуналке по милости Аньки! Хотя, с другой стороны, а точно ли это хуже, чем наша непрекращающаяся вендетта?

- Пап, я не выгонял сестру из дома. Мы поругались... Даже подрались... Тут я наткнулся на Анькин огненный взгляд изза спины отца. Не важно изза чего... Но я не имел ввиду, что больше не пущу ее домой. Просто так неудачно получилось.
- Ссоры, Антоша, это нормально, с улыбкой сказала мамка, родные, близкие люди ссорятся часто, на то они и родные. Это чужие друг другу безразличны.
- Хорошо, Антон, продолжил папа, значит, наш уговор все еще в силе?
- Да, конечно!
- Тогда забирай сестру, и езжайте домой.

Вот так всегда. Отец редко кричал или проявлял гнев. Но он умел выстроить логику рассуждений так, что... что лучше б накричал.

Я — Анькина нянька. Черт бы ее подрал! Может на цепь посадить? Сразу все проблемы решатся.

От родителей выехали уже в восьмом часу. Солнце еще не село, но изза того, что с запада стали набегать облачка, видно его уже не было. На глазах темнело, и свет фар на трассе отбрасывал блики внутрь машины.

Анька демонстративно уселась на заднее сиденье, всем видом показывая, что облегчать мне задачу по присмотру за собой она и впредь не собирается.

Вот ведь сучка!

Вообще, это жутко несправедливо, что мне и вправду вменяется ее «пасти». Родители уже опустили руки в том, чтобы повлиять на сестру, и при первой возможности свалили ее на кого-то другого. На меня.

Анька, дура, наверное поперлась к ним, думая, что уж они то нас рассудят. А им лишь бы уйти от ответственности. Нет, правда, какого хуя она поперлась к родителям!? Думала меня сдать? А чего ж не сдала?

- Зачем ты поехала к родителям?
- К родителям за каким хреном поехала?
- А куда мне было идти в три часа ночи, после того, как меня выгнали из дома? Говорит как то тихо и отстраненно, наверное, я отвлек ее от каких то своих мыслей. Затем, глаза

сузились, и она посмотрела на меня в упор. — Что, братик, испугался, что расскажу отцу, что ты первый кобель в городе?

Так, началось.

- Про себя ему не хочешь рассказать? Про то, что ебешься с девками, а? Или, может, вы с Наташкой просто одновременно так неудачно упали на один и тот же дилдак? В какой то момент от злости, я стал чаще смотреть через зеркало заднего вида на сестру, чем на дорогу.
- О нет, я бы лучше рассказала, как родной брат изнасиловал меня, когда за стенкой мирно храпели наши сватьи!
- Черт тебя дери! Я тебя не насиловал!
- Да? Может, я сама тебя попросила? «О, братик, я так тебя хочу, трахни меня, поскорее?» Плохо. Меня так трясет от злости, что на дорогу совсем не обращаю внимания. Так мы до дома не доедем. Внезапно внутри созрело решение. И будь что будет.
- Нет, так ты не говорила, говорю ледяным голосом, но это можно исправить.
- Что?

Я не ответил. Вместо этого, нажал на кнопку — сработал центральный замок, и двери заблокировались.

В сумерках разглядеть съезд в лесополосу было довольно трудно, но мне повезло. Машина, переваливаясь на кочках, поползла между деревьями, и через какое то время мы стали отрезаны от окружающего мира.

Я встал, выключил двигатель и погасил фары.

— Ты что творишь!? — полушепотом вопросила Анька. В голосе почувствовалось беспокойство, но возмущения там было гораздо больше.

Я еще раз взглянул на нее через зеркало: сумерки сгущались, но в полутьме сестра выделялась светлым пятном. На ней все еще было короткое, едва прикрывающее попу кремовое платье, с открытой спиной и руками, без выреза на груди, в котором она вчера вернулась с блядок. В этом же платье, она, очевидно, и поехала к родителям после вчерашнего. Интересно, как мамка с отцом отреагировали на такую форму одежды?

— Значит, я насильник? — Все еще смотрю на нее. — Знаешь, а ведь на насильниках засосов не оставляют. Но раз уж ты все равно меня так называешь, придется оправдать это наименование.

Отстегиваю ремень безопасности, приподнимаюсь и перелазаю через передние сиденья назад.

— Что? Ты что делаешь? — Столько гнева в голосе. Мне кажется, или я начал получать удовольствие от того, что я ее элю?

Хватаю Аньку за оба запястья, перехватываю их левой рукой, а правой, вытягиваю ремень из джинсов.

- Не смей меня трогать!
- Заткнись!

Тут же начинает отбиваться ногами. Освобождает левую руку и изо всех сил пытается меня отпихнуть, лупит по лицу, попадает по уху. Продираюсь между ее ног и ложусь сверху. Еще несколько секунд борьбы и ругани полушепотом, и мне, наконец, удается стянуть ремнем ее запястья над головой.

— Ты — долбаный урод! — Шипит мне прямо в лицо. Мы лежим на заднем сиденье, почти упираясь головами в дверь.

Спокойно спрашиваю:

- Я насильник?
- Совсем поехал? А что, по-твоему, ты делаешь сейчас!?
- Вот именно.

Она пораженно и, как бы, не понимая, смотрит на меня сквозь сумерки. Я рассматриваю ее лицо. Губы чуть подрагивают, крылья носа раздуваются судорожным дыханием. А голубые глаза метают молнии сквозь полутьму.

Лежа на ней, одной рукой придерживая ее связанные руки, другой расстегиваю джинсы и спускаю их с себя вместе с трусами. Раскаленный стояк, вырвавшись на свободу, шлепается об Анькино прохладное бедро. Она вздрагивает от неожиданности:

- Ты больной извращенец! Шипит, пытаясь разглядеть внизу мой хуй. У тебя стоит на родную сестру!
- О да. Не уточняю, что именно я подтверждаю: то, что я извращенец, или то, что у меня на нее стоит. Причем, всю неделю. Всю, эту долбаную неделю!

Сбрасываю джинсы с трусами с ног совсем, быстро стягиваю футболку и остаюсь совсем голый. Опускаю свободную руку на Анькино прохладное бедро. Медленно веду горячей от возбуждения ладонью по прохладной гладкой шелковой коже вверх. Хочу, черт, как же я ее хочу! Ничего и никого я так не хочу, как ее!

Пальцы проскальзывают под платье и натыкаются на тонкую лямку трусиков. Чтобы их снять, придется слезть с сестры, это значит, опять будет борьба. А со сдвинутыми, как в прошлый раз, совсем не хочется. Заебись.

- Значит, когда ты пошла на свиданку с тем негром, ты трусики не одела, а вчера на блядки сподобилась? Скрыть раздражение в голосе не удается.
- Убери руки!... Что? Видно вспоминает, о чем я. Это вообще не твое дело, что и куда я надеваю!

Где то в груди жжет какое то неприятное чувство, и я просто хватаюсь за тонкую лямку и со всей дури разрываю ее, к херам. Доотрываю остатки.

— Нет! Не смей! Какого хрена ты творишь, уебок! — Чувствуется, что ей жаль несчастную тряпку. — Я тебя ненавижу! Ты мне жить не даешь! Ты ебешь всех шлюх, ты ебешь моих подруг, а теперь еще и за меня взялся! Долбаный, чертов псих! Совсем с катушек слетел! Да, я псих. Я совсем слетел с катушек. Я больной извращенец, ибо я хочу тебя. Я не знаю, как так получилось, что от нормальной жизни, как у всех, мы пришли к этому. Но мне нужно, нужно как воздух, оказаться в тебе.

Опускаю руку сестре между ног, и чувствую, что там как будто растеклась раскаленная лава. Ладонь мгновенно стала липкой. Я смотрю Аньке в глаза, и мои губы растягиваются в торжествующей усмешке.

— Да, сестренка, ты во всем права. — Совсем не контролирую свой голос, он дрожит и срывается, хоть и говорим мы шепотом. — Но я не насиловал тебя тогда. И я не войду в тебя сейчас, до тех пор, пока ты сама меня не попросишь.

Анька фальшиво рассмеялась.

- A, ну слава богу, а то я уж испугалась! — Почти истерика. — Ведь я ни за что не попрошу тебя...

Я мягко, двумя пальцами, проникаю в ее горячее, узкое, тугое нутро. И она не договаривает. Весь в ее влаге, большой палец оказывается на «волшебной кнопке», и я, аккуратно провожу

им вокруг, а потом легонько нажимаю.

Невольно, сестренка всем телом выгибается в моих руках, судорожно выдыхая.

Начинаю плавно двигаться в ней пальцами, синхронно задевая клитор.

- Т... ты же сказал, ч... то не войдешь, пока не попрошу? глаза закрыты, на лице смесь смущения и гнева, но второго все меньше и меньше.
- Подумаешь, всего два пальца. Шепчу я, останавливаюсь внутри и мягко развожу их в стороны.
- Мммммм... Сестра распахивает глаза, смотрит на меня изумленно, почти по-детски, потом отводит взгляд. И говорит почти неслышно: Извращенец.

Вынимаю пальцы и приставляю ко входу член. Нет, нет, я не собираюсь входить. Нет, совсем нет. Я ведь обещал, что пока сама не попросит. Просто чуть-чуть потереться о горячий влажный вход. Самую малость.

- Хочешь меня? говорю, и понимаю, что плохо себя контролирую. Медленно двигаю тазом, елозя членом по губкам. Сестра, сама не замечая, выгибается на встречу головке.
- Xa!... отворачивает от меня лицо, чтобы показать насколько ей безразлично то, что творится там внизу.

Ну, хорошо. Продолжим. С трудом, через силу отнимаю головку от Аньки и плавно, двигаясь по коже промежности, опускаюсь вниз. Упираюсь в звездочку попки. Чувствую ее судорожные сокращения и легонько надавливаю.

— Нет! Стой! Только не это, не надо! — Остатки ее неприступности осыпались как осенние листья.

Сквозь туман желания в мозг пробилась мысль. Анькина попка очень плотно сжата, по ходу, она девственна. Я и до этого не собирался туда входить. А тем более теперь. Заднее сиденье моей Тойоты не лучшее место для спонтанного лишения анальной девственности.

Наклоняюсь к Анькиному лицу, она отворачивается, чтобы не дать себя поцеловать, поэтому мой нос упирается ей в щеку, чуть ниже уха. Горячо шепчу:

— Хорошо. Туда не надо. А куда? — Сестренка только прикусывает губу.

Меня трясет от возбуждения. Не понимаю, как вообще я ухитряюсь все еще себя сдерживать. Опять надавливаю сильнее.

- Нет!!..
- Анют... Сглатываю пересохшим горлом. Ты помнишь ту ночь? Пауза. Ты помнишь, какой... сладкой... она была?... Твои зубы на моем плече?... Мои ладони?... Ты помнишь?

Глаза закрыты. Тишина салона давно уступила место нашему громкому, частому, судорожному дыханию. Как будто в спешке раздувают две пары кузнечных мехов. Отвожу член от попки и кладу его сверху на клитор. Начинаю плавно елозить уздечкой. Там внизу мокро от наших с Анькой соков. Трение головки по «кнопке», смягчается этой влагой. По спине бегут мурашки от удовольствия.

До меня дошло, что я уже давно не держу второй рукой ее стянутые ремнем руки, а просто глажу ее голое плечо.

Язык прилипает к небу, поэтому начало фразы исчезает и остается только:

— ... повторить это еще один, последний, раз?

Анька медленно поворачивает лицо и смотрит прямо в глаза, и больше в этом немигающем взгляде нет агрессии. Мы тремся друг о друга носами, соприкасаемся лбами.

— Последний раз. — Ее губы выдыхают это в миллиметре от моих, и я больше не могу сдерживаться и целую, буквально всасываюсь, в них.

Двигаю тазом и аккуратно, из последних сил растягивая удовольствие, медленно погружаюсь в жаркую, сочную, живую мякоть, еще глубже, раздвигая тугие стенки, от того как трется уздечка о нежную стеночку плывет сознание и, наконец, я упираюсь куда то в самое донышко. Анька обхватывает меня бедрами, пятки привычно смыкаются на пояснице. Я кладу правую ладонь сестренке на ягодицу, а левой придерживаю ее лицо, чтобы, не дайте Боги, не разорвать поцелуй. Как же сильно я этого ждал! Ведь я всю неделю ни о чем другом больше думать не мог, кроме как об этих губах. Просто, не отдавал себе в этом отчета... О том, как я буду двигаться в ней ВОТ ТАК.

Натужно сопим друг другу в лицо, стонем друг другу в губы. Эти губы! Эти вкусные, такие родные, губы. Этот юркий проворный язычок, который уже привычно терроризирует мой язык в такт движениям где то глубоко в ее нутре.

Наш сок уже повсюду — капает с моих, хлопающих по Анькиной попе яиц, на сиденье, растекается по нашим бедрам, размазывается нашими животами. Если бы мы могли вдохнуть, наверное, почувствовали бы этот аромат двух горячих перевозбужденных тел, но оторваться от губ мы не можем, и в легких уже разгорается ядовитый пожар.

Но поцелуй все-таки разрывается. Синхронно-судорожно вдыхаем воздух. Лицо к лицу, всего в паре миллиметров. Голова кружится. Вдыхаем дыхание друг друга. Ее шепот:

— Развяжи меня.

Протягиваю руку и распускаю ремень на руках сестры. Мои пальцы остаются на ее запястьях, медленно растирая затекшую кожу. Анька опускает ладони мне на плечи, трется носом и говорит:

— Помоги подняться?

Сажусь сам, подаю ей руку. Анька тоже садится, потом аккуратно заползает сверху, все еще держась за мою руку, нависает, упираясь коленями в сиденье, а другой рукой уже направляет меня в себя. Садится до упора, сама натягивается до предела, выдыхает шепотом:

- Антоша, обнимает за шею и опять целует. Стягиваем платье через голову. Это моя сестра. Она сидит голая на моем члене. И это пиздец, ибо я не имею права быть в ней. Но...
- Последний раз? глаза в глаза.
- Последний раз.

Больше мы не будем этого делать. С завтрашнего дня все будет так, как у всех нормальных людей.

А пока...

Мои руки опускаются ей на попку, чувствую, как под пальцами напрягаются мышцы. Губами опять впиваемся друг в друга и начинается скачка. Теперь Анька сама задает темп и через несколько секунд губы отрываются друг от друга — амплитуда слишком большая. Помогаю руками, надавливая на попку, так, чтобы она как можно глубже насаживалась на член. Сам подбрасываю бедрами ее снизу.

Крышу окончательно сносит, мозг отключается, последних остатков сознания хватает на то, чтобы ухватить губами Анькин сосок. Мы кричим, хрипим, абсолютно не сдерживаясь. Еще немного и она, содрогаясь, стонет мне в шею: «Антоша-а-а-а-а-а-а-» А я, удерживая ее под бедрами, сам с бешеной скоростью двигаюсь в ней и, наконец, подобно сверхновой, с

фантастической силой взрываюсь где то глубоко внутри.

Нас, трясет, мы долго стонем и мычим. Я изо всех сил прижимаю ее к себе, извергая последние капли.

Мой язык все двигается у Аньки во рту. Мягко отвечает. Медленно успокаиваемся. Наконец, она отрывается от меня.

- Это было в последний раз, согласен? Оторвавшись, произносит она севшим голосом.
- Да. В последний раз. Соглашаюсь. Мой голос тоже звучит странно.

Сестра, смотрит в темноте в глаза, потом еще, самый последний раз влажно и горячо целует, затем, оторвавшись, упираясь мне в плечи, медленно встает, и я, наконец, из нее выскальзываю.

- У тебя есть здесь салфетки?
- Да, в бардачке. Погоди секунду.

Подаю салфетки. Мы вытираемся, приводим себя в порядок, одеваемся. Минут через пятнадцать неспешных сборов я сел за руль, Анька — справа от меня. Фары зажглись, машина тронулась, и мы поехали домой.

Доброе утро! — Захожу на кухню с мечтой о чашке кофе.

Анька уже там, колдует над своей кружкой, заливая кофе кипятком. (У нас есть только растворимый.) Заметила меня, улыбнулась:

– Привет.

Да, теперь все вот так. Говорим друг другу «привет» и «пока», можем улыбнуться, обсудить, что сегодня приготовить на ужин. Да, да, мы теперь вполне можем ужинать вместе, по-человечески! Только вот...

- Я омлет на завтрак приготовила, там в сковороде твоя порция. Отводит взгляд. Вот это. Посмотреть в глаза друг другу мы больше не можем.
- О, спасибо!
- Я к себе пойду. Она берет кружку с кофе и выходит из кухни, по дороге, случайно задев мое предплечье своим. От ощущения трения о теплую шелковистую кожу, по всему телу тут же разбегаются россыпи предательских мурашек. И уже привычный стояк на родную сестру. А это, наоборот, осталось...

Она уходит к себе, и через какое то время из комнаты начинают доноситься звуки музыки. Они не мешают, чувствуется, что Анька включила колонки не чтобы мне досадить (Врублю на полную, чтобы заткнуть тебя, братик!), как раньше, а именно, ради музыки.

Muse. Опять неистовые завывания Меттью Беллами. Конечно же, в голову тут же полезли воспоминания недельной давности. Чувство досады.

Интересно, а если Наташка сама заявится к Аньке и будет умолять о прощении, Анька ее простит? Будут они снова общаться как раньше?...

Трахаться?...

Почему то этого очень не хотелось. Ладно, вторник — нужно на работу.

В машине, голова была занята совсем не дорогой.

Если задуматься, то почему родным людям нельзя спать друг с другом? Я понимаю, первый ответ на этот вопрос: это отвратительно. С мамой, с бабушкой, простигосподи. Или дочери с отцами, с дядями. Это вызывает абсолютно-органическое отвращение.

И когда брат с сестрой тоже. До недавнего времени.

Но отвращение это всего лишь эмоция. У всякой эмоции есть рациональная причина. Например: любовь. Что такое любовь? Как сказал один маленький мальчик: «Любовь это когда Светка ест конфетку, а мне сладко». Любовь, это когда тебя делает счастливым конкретный человек. Очень рациональное объяснение, ибо счастье можно измерить. Почему, когда брат с сестрой — это отвратительно? Просто потому, что могут родиться уроды? Но для этого требуются несколько десятков поколений близкородственного скрещивания. Ведь если, например, парень и девушка, не зная, что они родственники, переспят, то ничего страшного не происходит. Даже до свадьбы может дело дойти. Если никто ни о чем не подозревает. Но как только узнали, что брат и сестра — всё, сразу, ааа, пиздец, как так вышло, бла, бла, бла.

А что, собственно, произошло? Ну получат их родители в два раза меньше внуков, так ведь раз на раз не приходится.

Пиздец, несу какую то хуйню, честное слово! Совсем ум за разум заехал. Договорились ведь — последний раз. Значит, все. Теперь пора обо всем забыть и жить дальше.

— Антон!! Живо ко мне в кабинет!

Чувствую, вторник не задался. Мой начальник, который питает ко мне исключительно сильные чувства, причем сугубо отрицательные, тем не менее, обычно имеет мало поводов для реализации своей неприязни. Да еще, чтоб в кабинет вызывать?..

- Сегодня утром мне написал наш заказчик из Брюгге. Ты вчера отправлял им черновую версию программы?
- Да, отправлял. Перед самым выходом. Что я сделал то? Вроде файл зашифровал. Отправил вовремя. Какого хрена происходит?
- Они пишут, что при отсылке однократного приказа на отгрузку товара, программа принимается, отгружать товар непрерывно. А когда он заканчивается на складе, она автоматически заказывает еще у поставщиков!

Что!? Блять.

- Ты понимаешь, что если бы это был чистовой вариант, то сейчас бы наш клиент потерял несколько миллионов на заказах товара, который не требуется? Ты, как ведущий программист по этому проекту, обязан контролировать такие вещи.
- Ээээ, я сейчас же займусь поиском ошибки в коде.
- Иди.

Что за хрень? Влез в текст программы. Ха, ха! Я совсем поехал, по ходу. В одном-единственном цикле, забыл добавить строчку с увеличением счетчика на единицу при каждой итерации цикла. Получился бесконечный цикл. И бесконечный убыток клиента, теоретически.

Черт, ну ошибка ведь детская, как так то? О чем я думаю на работе!? Точнее о ком. Все, забыли. На свете дохера охуенных девок. Вон, Светка из бухгалтерии, давно на меня глаз положила.

Только, когда я буду ее трахать, она будет выкрикивать «Антон», а не «Антоша»... Настроение совсем испортилось. Так, работать, солнце еще высоко. Нужно исправить эту ошибку и опять отправить все заказчику, а там видно будет. И не думать о всякой хуйне. Домой я приехал поздно. Выяснилось, что не я один накосячил, а еще и кое-кто из младших программистов. Пришлось всем отделом искать ошибку, а потом еще вправлять мозги в воспитательных целях.

Я приехал как раз к ужину. Поели с Анькой, и я пошел переодеваться, намереваясь вперед нее залезть под душ. Я ведь в воскресенье починил замок в ванной, теперь опять можно мыться с закрытой дверью.

Вышел из спальни по направлению к ванной, смотрю: Анька куда то собралась. Платье, сумочка, каблуки, макияж. Сердце неприятно екнуло. Но ведь сегодня вторник? Не время ведь для блядок? Ага, как будто Аньку это когда то останавливало. Ей то не на работу завтра. Проспится и все. Тем более, меня днем не будет. Может, еще и приведет кого то. Заебись.

- У... уходишь? Блять, голос сорвался.
- Да, с подружками договорились в баре посидеть. Застегивает последнюю лямку на босоножке.
- Хм... Постарайся не очень поздно вернуться?
- Хорошо. Выпрямилась. Посмотрела на меня, но не в глаза. Парней не будет, только девчонки.

Я кивнул, и она ушла.

К чему была эта фраза? И, главное, почему она решила, что меня это должно волновать? Но после этих ее слов, сердце стало биться чуть-чуть более расслабленно.

На мгновение представил, как Анька с подружками сидят в баре, к ним клеятся парни, и вот уже через какое то количество времени и рюмок текилы, Анька, воровато оглядываясь, затаскивает очередного придурка в женский туалет. А потом прерывисто стонет... под ним... И это ее низкое гортанное: «мммм»... А этот сученок гнусно скалится — конечно, на такую девушку залез. Вечно она выбирает каких то уродов.

А если однажды она выберет нормального? Что я тогда буду делать? То есть не «если», а «когда».

Нда. Надо выкинуть всю эту хуйню из головы поскорее. Нужно найти какую-нть девку. И вообще, пора, наверное, завести постоянную. Тогда и думать перестану, о чем не надо. Только девушку я должен хотеть хотя бы так же сильно, как сестру.

Да не хочу я Аньку! Совсем не хочу!..

Ведь, теоретически, среди почти восьми миллиардов людей должно найтись великое множество девок, которых я буду хотеть так же сильно. Пусть, вероятность встретить такую очень мала. Но из восьми миллиардов, даже с маленькой вероятностью, это тысяч сто девушек, не меньше.

О, Боги, что ж за хуйня в голову лезет!

Но проблема в том, что... не нужна мне никакая другая.

В среду вечером позвонил Пашка, жених Оли.

- Антоха! Вот, наконец, я и женюсь! Приходи ко мне на мальчишник! Оттянемся напоследок! Алкоголь и бабы за мой счет!
- Пашка, я конечно все понимаю, мальчишник как-никак, но ты Олю не обмани? Я напрягся. Всегда говорят, что, мол, мальчишник последний шанс гульнуть на стороне. И это правильно, до тех пор, пока это не мальчишник жениха твоей кузины. Ведь никому не хочется, чтоб его двоюродную сестренку обманывали.
- Обижаешь, у нас все предусмотрено!
- Загадками говорить изволите, сударь? Я улыбнулся.
- Короче, в пятницу, в девять вечера. Место я тебе скину вконтакте. Быть при параде, в

хорошем настроении. Презервативы свои, — заржал он напоследок.

— Хорошо, все понял.

Я сидел на кухне, зашла Анька, видимо, воды попить.

- Пашка звонил, на мальчишник звал, в пятницу.
- А я в пятницу иду на девичник к Ольге.

Ну, все логично, мальчишники и девичники — отличная возможность повеселиться и развеяться. Наверняка, у них там будут мужики...

- Давай, только, после никого не приводить? Смотрю ей в спину. Чтоб все было... не дома. Согласна?
- **—** Да.

Она вышла, так и не взяв в руки стакан.

-X-X-

Для мальчишника сняли шикарный коттедж за городом, в дачном поселке. Не так далеко, как поселок моих родителей, всего минут двадцать езды от города, но зато и сам дом был намного больше. Аренда его стоила, наверное, не дешево.

По такому случаю, я специально одел свой любимый темно-синий костюм с черной рубашкой и черными лакированными туфлями. Посмотрелся в зеркало: светлые волосы уложены «в творческом беспорядке», лицо гладко выбрито, на губах легкая самоуверенная ухмылка. Меня можно снимать в рекламе Paco Rabanne))))

Можно было, конечно, так не наряжаться, там все свои. Но... захотелось привести себя в порядок. Нужно сегодня хорошенько повеселиться, выпить, поплясать и трахнуть какую-нть смазливую девочку.

Я уехал в восемь, Аньки уже не было, а я как то пропустил момент ее ухода. Оно и к лучшему, не буду знать, как она оделась, а значит и к чему готовиться. Так спокойней.

Меня встретил сам хозяин вечера, остальные парни уже собрались — всего восемь человек, вместе со мной.

- Пашка, а где бабы? спрашиваю вполголоса.
- Не боись, все будет! У него на лице гуляет хитрая улыбка, а это значит, что этот прохиндей что то задумал.

А так даже веселей! Лишь бы там не балет толстушек был — \mathfrak{s} , пожалуй, столько не выпью.

— Итак, Пашка, за вас с Олей! Чтоб это было на всю жизнь! Ура-а-а-а-а! — Первый тост и очень правильный.

Употребили по первой, закусили. И пошло. С часок, наверное, мы разогревались напитками, закусывали, ржали и говорили обо всем. Было офигенно. Но что за мальчишник без баб, верно?

Организатор праздника Сергей (Пашкин лучший друг) поднялся со своего места и ненадолго вышел. Через какое то время он вернулся, приглушил свет, встал в картинную позу и произнес:

— Джентльмены! Как организатор сегодняшнего вечера, я просто не мог себе позволить не представить вам этих фантастических, очаровательных, умопомрачительных девушек!!! В следующий момент заиграла громкая музыка — под такую обычно танцуют стриптиз — не Джо Кокер (хоть и классика, а уже слишком заезжено), что то другое.

И из двери стали выплывать девушки. У меня мгновенно началось слюноотделение, потому что зрелище было красочным. Причем в прямом смысле этого слова. Девушки выходили по

очереди, медленным дразнящим шагом. Каждая была на высоких шпильках, в маске и в бикини — без кружев и не прозрачные, зато полностью покрытые блестками. На каждой девушке бикини было своего цвета: белого, желтого, красного, синего, зеленого, оранжевого, фиолетового и черного, причем туфли и маски были подобраны точно в тон белья и были посыпаны стразами. Общее впечатление было, что в зал прошла фантастическая сверкающая радуга, от которой возбуждение методом диффузии проникало непосредственно в воздух. Девчонки встали, улыбнулись и окинули всех парней уверенными взглядами. А затем, они стали танцевать! Танец явно был отрепетирован, движения синхронны, и девушкам это явно нравилось. Стук каблуков в такт, замысловатые движения руками, томные изгибы. Как мы, восемь возбужденных парней, не растерзали весь этот цветник тут же, не дожидаясь окончания музыки, не укладывается в голове.

Наконец, музыка остановилась, и Серега включил свет.

— Господа! Сейчас мы проведем аукцион на право сопровождать каждую конкретную девушку весь вечер! И, поскольку, сегодня желательно обходиться без имен, то обращаться к милым дамам мы будем по цвету! Средства, которые вы предложите, пойдут в подарочный фонд жениха и невесты!

Ну что ж, на свадьбах часто бывают денежные конкурсы. Я, как человек бывалый, был к этому готов, так что средства побороться у меня имеются))))

Сергей представил нам первую девушку:

— Прошу любить и жаловать — Белая! — Она ослепительно улыбнулась и кокетливо дернула плечиками.

Это была высокая блондинка с волосами, собранными по моде в большой пучок на шее. Фигура у нее была хороша! За такую девушку, грех не побороться... если бы это не оказалась Ольга. Да, да! Я понял раньше остальных, уж кузину то я узнаю в любом виде, через секунду, ее узнали и остальные. Послышались радостные возгласы и хохот. Пашку стали подкалывать на тему того, что выкупят его невесту, и тогда прости-прощай, Пашенька.

Стоп. А как здесь оказалась Ольга? У них же сегодня должен быть девичник? Анька же говорила...

И тут меня накрыло очень не хорошее предчувствие. Мои глаза оторвались от красавицы-Ольги, за которую уже шли шуточно-нешуточные торги и стали бродить по остальным девушкам. Кажется, я узнаю здесь и некоторых других девчонок, хотя, не уверен, Ольгиных подруг я знаю очень плохо.

Но вдруг мой взгляд как будто зацепило якорем. Длинные прямые черные волосы, красный купальник, и взгляд пронзительно-голубых глаз сквозь прорези алой маски. Анька. Значит вот, что имел ввиду Пашка, когда говорил, что у них «все предусмотрено». Мальчишник без баб и секса — не мальчишник. Но что делать тем, у кого есть вторая половинка и кто не хочет обманывать? Правильно, сыграть в игру под названием «мы не

знаем друг друга». Странный у них девичник. Хотя, почему нет? Мужиков они себе обеспечили, кто не хочет

странный у них девичник. хотя, почему нет? мужиков они себе обеспечили, кто не хочет изменять — не будет, а те, кто хотел на свадьбе поближе познакомиться с друзьями жениха, могут начинать прямо сейчас.

Одолев, наконец, в шуточной борьбе своего последнего соперника по аукциону, Пашка выложил за Ольгу двадцать семь косарей, после чего галантно протянул ей руку и провел к столу. Оля, не долго думая, уселась к нему на колени верхом, после чего наш самозваный

тамада сказал:

— Давайте поднимем тост: за жениха и невесту!

И на этих словах Ольга взяла наполненную парнями рюмку виски — в одну руку, дольку лимона — в другую, после чего отпила половину, а саму рюмку с оставшимся содержимым поместила себе в ложбинку грудей и предложила ее Паше, зажав лимон зубами. Пашка, не долго думая, обхватил любимую руками, наклонился к ее эффектному бюсту, накрыв губами рюмку, а затем резким движением опрокинул рюмку вместе с Олей на себя. После того как он выпустил сосуд изо рта, кузина с улыбкой протолкнула дольку лимона ему в губы своим языком.

Зрелище было встречено нашими бурными овациями. Молодцы, отличная импровизация))

- Джентльмены! Продолжаем наш аукцион! Поскольку вас много, и чтобы не обидеть никого из девушек, дальше вы будете торговаться за всех одновременно!
- Семь косарей за Фиолетовую!
- Восемь тысяч за Оранжевую!
- Пятнадцать за Синюю!
- Двадцать за Красную!

Я не могу допустить, чтобы ОНА досталась кому то еще! Действовать!!

- Сто тысяч за Красную! За моим предложением последовала такая тишина, что, кажется, было слышно, как Анька хлопает ресницами от удивления.
- Ого! Видимо, Антону очень понравилась девушка! Кто-нибудь может перебить? Нет? Пр-р-родано! Красная на этот вечер принадлежит Антону!

Я подошел к Сергею, протягивающему большой котел, сделанный из папье-маше (подарок новобрачным), и под аплодисменты и одобрительный свист всего народа отсчитал туда двадцать оранжевых пятитысячных купюр из кармана пиджака.

Протянул руку Красной и, после того, как она несмело подала свою, повел ее за стол, усадив на колени. И крепко прижал к себе, положив руку на талию. Никуда не отпущу. Сердце потихоньку успокаивалось. Узнал ли кто-нть в Красной мою сестру? Интересно, а сама Анька понимает, что я ее узнал? Ее попка упирается аккурат в мой бугор в брюках. Она что, намеренно все сильнее и сильнее его прижимает!?

Выпили, Красная, как принадлежащая мне сегодня, накормила с руки и мило улыбнулась. Чувствую, что плыву, но одновременно в животе стало разливаться спокойное тепло. Она сидит на моих коленях и кормит меня, мы вмести пьем виски, рука прижимает ее ко мне. Вот теперь все как надо. Все правильно.

Никто ничего не просек, да и понятно, ведь люди в основном нам мало знакомые. А Пашка с Ольгой были слишком заняты друг другом.

Застолье продолжалось еще некоторое время, но народ быстро дошел до кондиции, и начались танцы. Мы с Красной (нравится мне ее так называть) танцевали не долго. Было совершенно не возможно оторвать от нее взгляд — шпильки еще больше удлиняли ее ноги, упругая поджарая попка была туго стянута алыми стрингами, так что от этого зрелища меня мучил почти болезненный стояк. В приглушенном свете тени становились контрастней и были четко видны ее выступающие тазобедренные косточки, впалый пресс с глубокой ложбинкой пупка. Я гладил в танце проступающие сквозь тонкую кожу ребрышки и пожирал взглядом так выгодно подчеркнутую красным с блестками топом почти идеально круглую грудь. Да, это не четвертый размер и даже третий едва ли, но форма и упругость откровенно

дразнили.

В какой то момент я просто начал целовать ее в шею, сильно прижимая к себе, и тут она выдохнула, остановившись, взяла меня за руку и повела прочь из общего зала вглубь дома. Но даже сейчас в ее движениях нет спешки или нерешительности. Анька двигается с кошачьей грацией, плавно покачивая бедрами. Хотя то, как крепко и судорожно она сжимает мои пальцы, выдает ее с головой.

И, в общем, мы оба понимаем, что сейчас будет. Мы на это идем осознанно.

В какой то самой дальней из комнат останавливаемся. Здесь есть кровать, еще какая то мебель, но кровать — самое главное. Я закрываю за нами дверь, Анька поворачивается лицом, подхожу и целую. Жадно, изо всех сил прижимаю к себе, она обхватывает шею и зарывается коготками в волосы. Эти губы. Их я уже не спутаю ни с чьими другими.

Желание прорывается, и движения становятся торопливыми. Анька чуть отстраняется и начинает расстегивать на мне рубашку, помогаю. Она переключается на ремень, молнию брюк. Через секунду уже достает мой гигантский орган, еще секунда, и головка погружается в эти пухлые губы, и, глядя на это, почти теряя сознание от кайфа, я понимаю, что эти губы созданы именно для МОЕГО члена.

Больше терпеть не могу! Отстраняюсь, мгновенно сбрасываю остатки одежды, подхватываю Аньку как пушинку и кладу на кровать. Стринги жаль снимать — они ей очень идут, но все равно — долой! Расстегиваю лифчик и присасываюсь к одному соску, потом ко второму. Из грудной клетки под моими губами раздаются стоны, а тонкие проворные пальчики уже направляют меня в себя.

— Ммммммммм!!... — наш общий рык.

Загнул Анькины колени к плечам — так, чтоб иметь возможность вдалбливаться как можно глубже. И пока двигаюсь в ней, растягивая такое родное нутро смотрю в ее глаза — маску мы снять забыли. Не останавливаясь, помогаю ее стянуть, крепко из последнего дыхания целую ииииии...

Нас накрывает волной.

— Антоша-а-а-а! — Как же я скучал по этому крику всю неделю, до вставших волосков на загривке.

Мы так и лежим — я сверху, Анька обнимает меня за плечи, смотрим в глаза и переводим дыхание. Поцелуй. Еще поцелуй.

- Все, теперь ты моя, слышишь? Насовсем. Никому не отдам!
- Вообще то, ты выкупил меня только на день. Иронично приподнимает бровь. Если насовсем, то ста тысяч за это явно маловато.
- Вот ведь поганка!

Хохочет, а потом целует.

- Что ты хочешь взамен?
- Ну не знаю... она улыбается, потом становится серьезной. Знаешь, я сегодня правда испугалась, что ты можешь меня не узнать или просто не выкупить...

Я понимаю. То же самое было, когда я подумал, что ее может купить кто то другой...

- Взамен я могу предложить только себя. Насовсем. И, мне кажется, это честная сделка? Я улыбнулся.
- Ну, если больше предложить нечего... Опять хохочет. Я пытаюсь ее укусить за нижнюю губу, но Анька ловит мой язык и втягивает в себя.

- Тебе очень идет красное.
- Я знала, что тебе понравится.
 Выдох в губы.

Улыбается, в глазах танцуют веселые чертики. Целую.

Опять в полной боевой готовности трусь о нее снизу. Весь смех мгновенно проходит.

Чувствую, как о мою грудь трутся ее титечки. Спускаюсь к ним и нежно втягиваю левый сосок. Ладонью мну правую грудь. Подключаю правую руку по левой груди. Сжимаю, чуть надавливая, вслушиваясь в то, как тяжелеет Анькино дыхание. Млея от того, как ее грудная клетка то вздымаясь, то опадая, сама вдавливает эти полушария в мои руки. На ладонях кожа слегка шершавая, и я провожу ею по холмикам то сверху вниз, то кругами, распаляя их сухим шершавым трением. Ее дыхание ускоряется, и я подбавляю масла в огонь, чуть зажимая сосочки пальцами и слегка оттягивая их вверх, с наслаждением наблюдая, как Анька выгибается в сторону моих пальцев.

Спускаюсь поцелуями ниже, погружаясь влажным языком в пупок, не останавливаюсь, иду дальше, и вот уже две точеные ножки судорожно охватывают мою голову. Я накрываю губами нежные лепестки, стараясь пока не касаться «пуговки», но все равно, слышу сверху такое родное:

— Мммм...

Самым кончиком языка прохожусь по кругу с начала в одну сторону, затем в другую. И так несколько раз, понимая, что это истязание.

— Антоша? — шепот сверху и пальцы у меня в волосах. Это просьба не быть жестоким. Хм))) Отрываюсь от нее, жду три секунды, а затем нежно и плавно, всем языком начинаю вылизывать, как мороженое, кнопку клитора.

Когти впиваются в кожу, а ноги обхватывают голову, Анька судорожно пытается вдохнуть, голова запрокинута. В конце концов, прекращаю это изуверское обращение. Развожу ее ноги продвигаюсь вверх и ложусь. Обнимает, прижимается и с улыбкой шепчет в губы:

— Насильник, — нежно целует.

Проникаю внутрь, в свою, родную. В мою. Не спешу, на секунду замираю внутри. Дышим в унисон.

Анька выгибается тазом мне навстречу при каждом движении. С готовностью принимает. Через силу размыкаю поцелуй и шепчу в губы:

- Анюта! С каждым словом новый удар. Никогда! Никому! Тебя. Не. Отдам. Только! Моя! Слышишь?
- Д... д-а-а-а! Слабый и протяжный стон в ответ. Пальцы в спине. Сжала меня внутри, и будто выдаивает.

Чуть уменьшаю амплитуду, но продолжаю двигаться. Наконец, Аньку перестает трясти, взгляд стал осмысленным, потом резво выскользнула, перевернув меня на спину. Взгромоздилась сверху и, насадившись и поцеловав, глядя в глаза процедила:

— А если я увижу тебя хоть с какой то бабой, — поцелуй, — я откушу тебе яйца! Я только улыбнулся и подбросил ее. Еще раз, и еще. Скачка продолжилась, протянул руки и положил ладони на Анькину грудь, пропустил соски между пальцами.

Я смотрел и любовался, как она фантастически красива: ноги расставлены и поэтому хорошо видны мышцы и косточки в промежности, плоский животик ходит ходуном, узкая талия, тонкая белая кожа, аккуратная круглая грудь со средними розовыми ареолами, тонкие сексуальные ключицы, длинная шея и огненные голубые глаза под копной струящихся

черных как смоль волос.

- Ты потрясающе красива! Наклоняется и целует в ответ. Прижимаю к себе и ускоряюсь. Еще чуть-чуть...
- Анто-оша-а-а!! Выгибается на мне и, продолжая подрагивать, присасывается к шее, затыкая себе рот.
- Моя, шепчу с улыбкой и с громким стоном выстреливаю в раскаленную глубину, а Анька стонет мне в шею и извивается в руках.

По мере того, как дыхание успокаивается, накатывает усталость. Из последних сил накрываю нас постельным покрывалом, покрепче прижимаю к себе Аньку и проваливаюсь в сон.